

ТЕАТР

„Джентльмен“

Великий остроумец сказал про свой народ как-то: всякий человек имеет право быть глупым, но немцы злоупотребляют этим правом. Так и всякая комедия имеет естественное и неотъемлемое право на глупость, но некоторые этим правом злоупотребляют. Джентльмен—именно из таких.

Худшее из произведений сумбатовской кухни, всегда готовившей пьесы на среднемецанский вкус и глухо провинциальную обывательщину. Пьеса эта—бытовая комедия, высмеивающая быт и «нравы» купеческой Москвы конца прошлого века или самого начала XX. Кит Китыч Островского уже цивилизовался и хочет быть джентльменом, он—писатель и издатель газеты. Тема сама по себе богата комическими возможностями. Купецкая душа и острое сочетание Замоскворецкого темного хамства и самодурства с декадентским утонченной «культурой»—это было в жизни еще недавно и это стоит большого смеха.

Но вот смеха то в комедии нет. Чтобы создать бытовую комедию, надо подняться—и писателю, и актеру—над устоями изображаемого быта и вздернуть его на виселицу смеха. **Бытовая комедия— есть всегда именно борьба с бытом, преодоление быта, казнь, расстрел быта.** Просто так было не оправдание для комедии. Но если комедия историтет смех—она как соль, потерявшая свою соленость. Желитба на деньгах, семейная неволя, нарваться рубля, женская истерика—это все размазано е таким близоруким расчетом и так сценически плохо, что комедия быта превращается в комедию скуки.

И самое главное это то, что противопоставлено этому темному быту. Эти лучи света в темном царстве—лучше бы совсем без света. Либерально-паточко слащавые речи об идеалах, о филантропической помощи рабочим, о честном журнализме,

и все это в образе такого святочного леда с такой сказочной бородой, что даже дети отказались бы ему верить. Эта мораль, это поучение—самое на конкурсе глупое, что есть в пьесе. Есть-ли смысл ставить такие пьесы, как Водья и Джентльмен? Я думаю, что **из всего старого репертуара нет ничего менее подходящего и более вредного, чем мещански-обывательские, ярко антихудожественные, на выставку глупые макулатурные комедии скуки с моралью и эстетикой канареечной клетки.**

Все это тем более справедливо, что труппа обнаруживает редкий для нашей сцены глубоко серьезный подход к делу и умение работать. Умение внешне создать чистый и слаженный, без переходностей, сценически грамотный спектакль у них несомненно есть. Тем жальче. Чуть ли не первый раз вы не слышите «суфлера, пьесу ведет не он, реплика сама цепляется за реплику, как зубчатки—это одно многого стоит.

Бардин, игравший хама-джентльмена,—бытовой игрой владеет ловко, бойко, уверенно. Его разговорная речь, чуть окрашенная купеческим выговором, в меру передает именно то, что нужно. Дурные и показные привычки провинциального натурализма заставляют его непременно хлопнуть рукой по подметке, когда идет речь о ней, пересчитать по пальцам всякое перечисление, изобразить руками круг при слове концентрируется и т. д., и т. п.

Ворпишин играл Чечкова, купца старого закала, видящего попугайскую глупость своего племянника. Этобыло лучшее исполнение в пьесе—сочное, с юмором. Видно было, что артисту есть что сказать **по поводу** роли и он это хорошо и убедительно сказал: он уничтожил своего Чечкина.

Л. С. Выготский.